

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-6-929-935

Дата принятия рукописи в печать: 29.06.2026 г.

МАЛКОВ Дмитрий Владимирович,
аспирант кафедры гражданского права и процесса,
Уральский институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
e-mail: malkovd449@gmail.com

Научный руководитель:
МАНСУРОВ Гафур Закирович,
доктор юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Уральский институт управления Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ» В НАУЧНОМ И ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье исследуется генезис понятия «искусственный интеллект» в научном и правовом дискурсе. Рассматриваются подходы к пониманию искусственного интеллекта, включая позицию Дж. Маккарти, связывавшего искусственный интеллект с созданием интеллектуальных машин и компьютерных программ, а также концепцию Дж. Сёрла, предложившего разграничение «сильного» и «слабого» искусственного интеллекта. Внимание уделяется развитию отечественной научной мысли, в рамках которой искусственный интеллект осмысливался как свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, традиционно считающиеся прерогативой человека. Анализируется первоначальное правовое осмысление технологий в российском праве через категории «робот» и «робот-агент», а также последующий переход к использованию категории «искусственный интеллект» в стратегических и нормативных актах, что позволяет проследить становление данного понятия в российском законодательстве. Делается вывод о том, что нормативные определения искусственного интеллекта сохраняют преимущественно технико-технологический и прикладной характер. В связи с этим обосновывается необходимость юридизации данного понятия.

Ключевые слова: искусственный интеллект; генезис понятия; правовое регулирование; робот; робот-агент; юридизация; сильный искусственный интеллект; слабый искусственный интеллект.

MALKOV Dmitry Vladimirovich,
postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure,
Ural Institute of Management Russian Academy of National
Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation

Scientific supervisor:
MANSUROV Gafur Zakirovich,
Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Ural Institute of Management Russian Academy of National
Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation

THE GENESIS OF THE CONCEPT OF «ARTIFICIAL INTELLIGENCE» IN SCIENTIFIC AND LEGAL DISCOURSE

Annotation. *The article examines the genesis of the concept of «artificial intelligence» in scientific and legal discourse. It considers approaches to understanding artificial intelligence, including the position of J. McCarthy, who associated artificial intelligence with the creation of intelligent machines and computer programs, as well as J. Searle's concept, which introduced the distinction between «strong» and «weak» artificial intelligence. Attention is paid to the development of Russian scientific thought, within which artificial intelligence was understood as a property of intelligent systems to perform creative functions traditionally regarded as the prerogative of humans. The article analyzes the initial legal understanding of technologies in Russian law through the categories of «robot» and «robot-agent», as well as the subsequent transition to the use of the category «artificial intelligence» in strategic and regulatory acts, which makes it possible to trace the formation of this concept in Russian legislation. The article concludes that regulatory definitions of artificial intelligence remain predominantly technical, technological and applied in nature. In this regard, the need for the juridification of this concept is substantiated.*

Key words: *artificial intelligence; genesis of the concept; legal regulation; robot; robot agent; juridification; strong artificial intelligence; weak artificial intelligence.*

Введение

В условиях активного внедрения технологий искусственного интеллекта в различные сферы общественной жизни особую значимость приобретает вопрос о содержании самого понятия «искусственный интеллект». Данная категория используется не только в научно-техническом, но и в правовом дискурсе, что обуславливает необходимость ее теоретического осмысления и юридической конкретизации. Как справедливо отмечает Г.В. Колодуб, категориальный аппарат является обязательным элементом любой самостоятельной области знания и выступает одной из ее важнейших отличительных характеристик [4, с. 125]. Понятийный аппарат играет ключевую роль в процессе правового регулирования, и феномен искусственного интеллекта не является исключением: по мнению Д.Е. Яковлева, именно посредством четко сформулированных понятий создается основа для выработки ясных, последовательных и эффективно функционирующих правовых норм [13, с. 159].

Актуальность темы исследования обусловлена активным внедрением технологий искусственного интеллекта в различные сферы общественных отношений и необходимостью их надлежащего правового регулирования. При этом в российском праве понятие «искусственный интеллект» прошло путь от первоначального осмысления через смежные категории «робот» и «робот-агент» к самостоятельному нормативному закреплению. Однако действующие определения искусственного интеллекта сохраняют преимущественно технико-технологический характер и не формируют универсального юридического понятия, что обуславливает необходимость анализа генезиса данной категории в научном и правовом дискурсе.

Степень научной разработанности темы характеризуется наличием исследований, посвященных как общетеоретическому осмыслению

искусственного интеллекта, так и вопросам его правового регулирования. Существенное значение имеют подходы Дж. Маккарти, с именем которого связывается введение термина «искусственный интеллект», и Дж. Сёрла, предложившего разграничение «сильного» и «слабого» искусственного интеллекта. В отечественной литературе данная проблематика рассматривалась А.В. Резаевым, В.С. Стариковым, А.А. Ивановой, А.Н. Аверкиным, М.Г. Гаазе-Рапопортом, Д.А. Поспеловым, И.А. Филиповой, Д.Е. Яковлевым, И.Н. Тарасовым, З.И. Хисамовой, И.Р. Бегишевым и другими исследователями.

Целью настоящей статьи является исследование генезиса понятия «искусственный интеллект» в научном и правовом дискурсе, а также выявление особенностей его становления и нормативного закрепления в российском правовом регулировании.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: 1) рассмотреть основные научные подходы к пониманию искусственного интеллекта, сложившиеся в зарубежной и отечественной научной литературе; 2) проанализировать значение разграничения «сильного» и «слабого» искусственного интеллекта для последующего нормативного осмысления данной категории; 3) выявить особенности первоначального обращения российского правового дискурса к смежным категориям «робот» и «робот-агент»; 4) рассмотреть развитие понятия «искусственный интеллект» в российских стратегических и нормативных правовых актах; 5) определить основные проблемы юридизации понятия искусственного интеллекта и его соотношения с технико-технологическими определениями.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы познания. Диалектический метод позволил рассмотреть понятие «искусственный интеллект» в развитии – от научно-технической

категории к элементу правового регулирования. Историко-правовой метод использовался для анализа этапов его становления в научном и правовом дискурсе. Формально-юридический метод применялся при исследовании нормативных правовых актов и нормативно-технических документов, содержащих категории «робот», «робот-агент» и «искусственный интеллект». Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить научные и нормативные подходы к пониманию искусственного интеллекта. Метод системного анализа использовался для рассмотрения искусственного интеллекта как категории, находящейся на пересечении научного, технологического и правового знания.

Научные предпосылки формирования понятия «искусственный интеллект»

Рассмотрение становления понятия «искусственный интеллект» целесообразно связать с технологическим развитием XX века. Интенсивное развитие технологий в первой половине столетия не осталось без внимания представителей юридической науки. Согласно позиции И.А. Филиповой, именно с 1940-х годов у правоведов, прежде всего американских, возрастает интерес к возможностям применения вычислительных технологий в сфере юриспруденции [3;5], что во многом было связано с появлением первых электронно-вычислительных машин [11, с. 47].

В научной литературе принято считать, что термин «искусственный интеллект» был впервые введен Дж. Маккарти в 1956 г. в рамках исследовательского проекта, реализованного в Дартмутском колледже и посвященного изучению возможностей создания и развития систем искусственного интеллекта [10, с. 235]. В понимании Дж. Маккарти искусственный интеллект представляет собой «науку и инженерию создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ» [6, с. 2].

Для целей настоящего исследования принципиальное значение имеет разграничение «сильного» и «слабого» искусственного интеллекта, введенное Дж. Сёрлом в 1980 г. Под «слабым» искусственным интеллектом понимаются «системы, выступающие в качестве инструментов, предназначенных для решения отдельных интеллектуальных задач и выполнения специализированных видов деятельности». В данном случае искусственный интеллект рассматривается прежде всего как «средство расширения возможностей человека». В противоположность этому концепция «сильного» искусственного интеллекта предполагает «создание системы, способной не только выполнять интеллектуальные операции,

но и обладать такими характеристиками, как самосознание, понимание окружающей действительности, а также иными свойствами, традиционно связываемыми с человеческим мышлением». На современном этапе развития технологий широкое распространение получили системы, относящиеся к категории «слабого» искусственного интеллекта, тогда как создание «сильного» искусственного интеллекта по-прежнему остается гипотетической задачей и предметом научных дискуссий [7, с. 417; 7, с. 422-424].

Развитие отечественной научной мысли в данной сфере нашло отражение, в частности, в подходе А.Н. Аверкина, М.Г. Гаазе-Рапопорта и Д.А. Поспелова, представленном в 1992 г.: искусственный интеллект рассматривался ими как свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека [1, с. 5]. Указанный подход в дальнейшем нашел отражение в отдельных нормативных определениях искусственного интеллекта, в которых акцент сделан на способности соответствующих технологий «имитировать когнитивные функции человека» и «получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека» [14].

Далее представляется целесообразным обратиться к рассмотрению эволюции понимания искусственного интеллекта в дискурсе российского законодательства.

Первоначальное правовое осмысление искусственного интеллекта через категории «робот-агент» и «робот»

Попытки разработки законопроектов, направленных на регулирование технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации, относятся к 2016 г. В тот период для обозначения соответствующих технологических систем использовались термины «робот» и «робот-агент».

По инициативе Д.С. Гришина были подготовлены концептуальные положения, посвященные вопросам правового регулирования так называемого «робота-агента» [2, с. 2]. Авторы федерального законопроекта «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники» (далее – законопроект), в частности, предлагали ввести в Гражданский кодекс Российской Федерации понятие «робот-агент».

В соответствии с п. 1 ст. 1 законопроекта «роботом-агентом признается робот, который по решению собственника и в силу конструктивных особенностей предназначен для участия в гражд-

данском обороте». В этой же норме предусматривается, что «робот признается роботом-агентом и наделяется правоспособностью при условии регистрации его модели в едином государственном реестре роботов-агентов и с момента публичного заявления его собственника о начале его функционирования в таком статусе. До момента таких регистрации и публичного заявления действия робота рассматриваются как действия его владельца в соответствии с общими правилами о роботах, установленными настоящим Кодексом, законом или иными правовыми актами».

На наш взгляд, предлагаемая конструкция представляется неудачной, поскольку предполагает наличие правоспособности у так называемого робота-агента, что, по меньшей мере, не согласуется с фундаментальными положениями гражданского законодательства.

Согласно п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 17, п. 1 ст. 49 Гражданского кодекса Российской Федерации, носителями гражданских прав и обязанностей могут выступать лишь лица – физические и юридические. Участники гражданских правоотношений приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе. Однако подобные характеристики не могут быть присущи «роботу-агенту», который по своей природе является лишь технической системой. Наделение же технической системы, представляющей собой совокупность алгоритмов и программных решений, самостоятельной правоспособностью фактически приводит к искусственному расширению круга субъектов гражданского права без достаточного теоретико-доктринального и нормативного обоснования.

Мы разделяем позицию З.И. Хисамовой и И.Р. Бегишева, заключающуюся в том, что анализ текста законопроекта свидетельствует о несостоятельности предлагаемого авторами механизма регулирования ввиду откровенного диссонанса и рассогласованности с положениями как гражданского законодательства, так и нормами иных отраслей права [12, с. 8].

Следует подчеркнуть, что данный законопроект в итоге не был принят и не получил нормативного закрепления.

Еще одной инициативой, направленной на регулирование общественных отношений в сфере робототехники и искусственного интеллекта, стала Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте (далее – Модельная конвенция), разработанная А.В. Незнамовым и В.Б. Наумовым. Указанный документ содержит положения, касающиеся правил создания и использования роботов и систем искусственного интеллекта. По своей сути Модельная конвенция

носит преимущественно декларативный характер и по содержанию ближе к программным или стратегическим документам, закрепляющим общие принципы развития соответствующей сферы [12, с. 8].

Примечательно, что сама Модельная конвенция не содержит собственного определения понятия «робот». Как следует из ст. 3, «содержание понятия «робот» и смежных с ним, таких как «роботизированный механизм» или «умный робот», определяется в соответствии с общепринятым значением этих понятий в конкретной стране и (или) применительно к конкретной модели робота. В случае если значения этих понятий не определены, могут быть использованы существующие международные стандарты, в частности, ISO 8373:2012 «Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения»».

В соответствии с п. 2.6 «ГОСТ Р 60.0.0.4-2019/ISO 8373:2012. Национального стандарта Российской Федерации. Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения», утвержденного и введенного в действие Приказом Росстандарта от 14.02.2019 № 31-ст (далее – ГОСТ Р 60.0.0.4-2019) робот (robot) – это исполнительный механизм, программируемый по двум или более степеням подвижности, обладающий определенной степенью автономности и способный перемещаться во внешней среде с целью выполнения задач по назначению.

Иными словами, в рамках данного нормативного правового акта «робот» рассматривается исключительно как техническое средство (инструмент), используемое человеком для достижения определенных целей.

При этом необходимо подчеркнуть, что в настоящее время действует новая редакция ГОСТ Р 60.0.0.4-2019 – «ГОСТ Р 60.0.0.4-2023/ISO 8373:2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения», утвержденный и введенный в действие Приказом Росстандарта от 20.04.2023 № 255-ст. Сравнение данного определения с ранее действовавшей редакцией, закрепленной в п. 2.6 ГОСТ Р 60.0.0.4-2019, позволяет сделать вывод об отсутствии принципиальных различий между ними.

Таким образом, на первоначальном этапе российский правовой дискурс рассматривал соответствующие технологии преимущественно через категорию «робота». Последующее нормативное развитие было связано уже с использованием категории «искусственный интеллект».

Переход от категорий «робот» и «робот-агент» к понятию «искусственный интеллект» в российском праве

Более значимые упоминания рассматриваемого феномена в российском правовом регулировании появились сравнительно недавно. Как следует из пп. «а» п. 5 Указа Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утвердившего «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (далее – Национальная стратегия) искусственный интеллект определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

В правовой дискуссии, посвященной анализу понятия «искусственный интеллект» ставится под сомнение возможность прямого переноса технических определений искусственного интеллекта в правовую сферу без их специальной юридической адаптации.

И.Н. Тарасовым высказано и аргументировано мнение, что «использование определений искусственного интеллекта, базирующихся на описании технико-технологических характеристик, в юриспруденции бесполезно, поскольку не оказывает на правовое регулирование никакого влияния, и что инкорпорация искусственного интеллекта в правовую действительность требует либо самостоятельного термина для его обозначения в плоскости права, либо наполнения понятия специфическим юридическим содержанием, при этом разработка понятийно-категориального аппарата по правилам и с учетом науки права есть необходимое условие для эффективного и корректного правового регулирования» [9, с. 105-106]. Целесообразным решением проблемы, связанной с описанным выше определением искусственного интеллекта, является «юридизация данного явления, то есть его концептуализация в системе специфических понятий и категорий, которыми оперирует профессиональное сознание юриста» [8, с. 139].

Обращение к п. 5 Национальной стратегии показывает, что законодатель использует специальную оговорку: «для целей стратегии используются следующие понятия». Данная формулировка позволяет сделать вывод о том, что представленное в документе определение искусственного интеллекта не претендует на статус единствен-

ного либо универсального. Напротив, указанная дефиниция носит прикладной характер и предназначена прежде всего для формирования ориентиров в сфере регулирования и разработки нормативных правовых актов, затрагивающих использование технологий искусственного интеллекта. Иными словами, речь идет о так называемом рабочем определении, которое может уточняться и дополняться в зависимости от изменения целей регулирования или особенностей конкретного контекста его применения. С одной стороны, подобный подход обеспечивает необходимую гибкость правового регулирования и позволяет учитывать динамичное развитие технологий искусственного интеллекта. С другой стороны, такая конструкция пока не формирует достаточно устойчивого и завершенного понятийного основания, на которое можно было бы в полной мере опереться при построении целостной системы правового регулирования данной сферы [13, с. 161].

Важно подчеркнуть, что в пп. «х» п. 5 и 9 Национальной стратегии используются приведенные выше категории, введенные в 1980 г. Дж. Сёрлом: сильный искусственный интеллект и слабый искусственный интеллект. Это свидетельствует о том, что российский стратегический документ заимствует не только техническую, но и научно-доктринальную терминологию, сложившуюся в зарубежном дискурсе искусственного интеллекта.

Следующим нормативным актом, в рамках которого получило развитие закрепление понятия искусственного интеллекта, является Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» от 24.04.2020 № 123-ФЗ (далее – Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ).

Хотя определение, закрепленное в пп. 2 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ, не является полностью тождественным определению, закрепленному в пп. «а» п. 5 Национальной стратегии, оно в значительной степени к нему приближено: в нем практически дословно воспроизведены ключевые элементы и проблемные положения, проанализированные ранее.

Это обстоятельство может свидетельствовать, с одной стороны, о стремлении отечественного законодателя к унификации используемой терминологии в условиях отсутствия единого нормативно закрепленного понятия искусственного интеллекта. С другой стороны, подобное совпадение может указывать и на недостаточно критический подход, выражающийся в воспроизведении

ранее предложенной дефиниции без ее всестороннего теоретического осмысления и детального анализа [13, с. 161].

Несмотря на постепенное расширение нормативного массива, посвященного искусственному интеллекту, существенного развития самого понятия искусственного интеллекта в последующих нормативно-правовых и нормативно-технических актах не произошло [15].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что понятие «искусственный интеллект» прошло путь от научно-технического осмысления к нормативному закреплению. При этом действующие определения сохраняют преимущественно технико-технологический характер и не формируют универсального юридического понятия. Это обуславливает необходимость дальнейшей юридизации искусственного интеллекта, то есть его адаптации к системе правовых категорий и механизмов регулирования.

Список литературы:

- [1] Аверкин А.Н., Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь. 1992. С. 256.
- [2] Бегишев И.Р. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники: анализ основных положений // *Baikal Research Journal*. 2020. Т. 11. № 4. С. 15.
- [3] Келсо Л.О. Нужна ли закону технологическая революция? *Rocky Mountain Law Review*. 1945-1946. Т. 18. С. 378-383.
- [4] Колодуб Г.В. Система категорий гражданского права: аспекты соотношения цивилистической теории с общими положениями учения о государстве и праве // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2021. № 3 (140). С. 120-125.
- [5] Ловинджер Л. Юриметрика – Следующий шаг вперед. *Minnesota Law Review*. 1949. Т. 33. № 5. С. 455.
- [6] Маккарти Дж. Что такое искусственный интеллект? *Stanford: Computer Science Department. Stanford University*. 2007. С. 15.
- [7] Сёрл Д.Р. Разум, мозги и программы. *Науки о поведении и мозге*. 1980. Т. 3. № 3 (3). С. 417-457.
- [8] Спицин И.Н. Юридизация понятия «искусственный интеллект» и пределы использования технологии искусственного интеллекта... в судебном процессе // *Lex Russica*. 2021. № 10 (179). С. 137-146.
- [9] Спицин И.Н., Тарасов И.Н. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия: теоретические аспекты правовой регламентации (постановка проблемы) // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. № 8 (117). С. 96-107.
- [10] Топилина А.В., Рожковский В.Б. К проблеме антропологических оснований авторского права: понятия авторства, творчества и оригинальности текстов, созданных при помощи искусственного интеллекта Часть 1. постановка проблемы в контексте постмодернистских представлений об авторстве // *Философия права*. 2025. № 1 (112). С. 233-239.
- [11] Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие, 2-е издание, обновленное и дополненное. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет. 2022. С. 275.
- [12] Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта // *Baikal Research Journal*. 2019. Т. 10. № 2. С. 19.
- [13] Яковлев Д.Е. Понятие искусственного интеллекта в отечественном праве: эволюция нормативного поля // *Общество: политика, экономика, право*. 2025. № 6. С. 156-164.
- [14] См., например: ПП. «а» П. 5 Указа Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утвердивший «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» // СПС «Консультант плюс»; П.1 ПП. 2 Ст. 2 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ; П. 3.3 «ГОСТ Р 70949-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Применение Искусственного интеллекта в Научно-Исследовательской деятельности. Варианты использования» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 18.10.2023 г. № 1177-ст) // СПС «Консультант плюс»; П. 1 Ст. 1 Проекта Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».
- [15] См., например: П. 3.3 «ГОСТ Р 70949-2023. Национальный стандарт Российской Федерации. Технологии искусственного интеллекта в образовании. Применение Искусственного интеллекта в Научно-Исследовательской деятельности. Варианты использования» (утв. и введен в дей-

ствие Приказом Росстандарта от 18.10.2023 г. № 1177-ст) // СПС «Консультант плюс»; П. 1 Ст. 1 Проекта Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

References:

- [1] Averkin A.N., Haase-Rapoport M.G., Pospelov D.A. Explanatory dictionary of artificial intelligence. Moscow: Radio and Communications. 1992. P. 256.
- [2] Begishev I.R. The concept of the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies: an analysis of the main provisions // *Baikal Research Journal*. 2020. Vol. 11. № 4. P. 15.
- [3] Kelso L.O. Does the Law Need a Technological Revolution? *Rocky Mountain Law Review*. 1945-1946. Vol. 18. P. 378-383.
- [4] Kolodub G.V. The system of categories of civil law: aspects of the correlation of civil theory with the general provisions of the doctrine of the state and law // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2021. № 3 (140). P. 120-125.
- [5] Loevinger L. Jurimetrics – The Next Step Forward. *Minnesota Law Review*. 1949. Vol. 33. № 5. P. 455.
- [6] McCarthy J. What is artificial intelligence? Stanford: Computer Science Department. Stanford University. 2007. P. 15.
- [7] Searle J.R. Minds, brains, and programs. *Behavioral and Brain Sciences*. 1980. Vol. 3. № 3 (3). P. 417-457.
- [8] Spitsin I.N. The juridification of the concept of «artificial intelligence» and the limits of the use of artificial intelligence technology ... in the judicial process // *Lex Russica*. 2021. № 10 (179). P. 137-146.
- [9] Spitsin I.N., Tarasov I.N. The use of artificial intelligence in the administration of justice: theoretical aspects of legal regulation (problem statement) // *Actual problems of Russian law*. 2020. № 8 (117). P. 96-107.
- [10] Topilina A.V., Rozhkovsky V.B. On the problem of the anthropological foundations of copyright: the concepts of authorship, creativity and originality of texts created using artificial intelligence Part 1. problem statement in the context of postmodern ideas about authorship // *Philosophy of Law*. 2025. № 1 (112). P. 233-239.
- [11] Filipova I.A. Legal regulation of artificial intelligence: a textbook, 2nd edition, updated and supplemented. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University. 2022. P. 275.
- [12] Khisamova Z.I., Begishev I.R. Legal regulation of artificial intelligence // *Baikal Research Journal*. 2019. Vol. 10. № 2. P. 19.
- [13] Yakovlev D.E. The concept of artificial intelligence in Russian law: the evolution of the normative field // *Society: politics, economics, law*. 2025. № 6. P. 156-164.
- [14] See for example: PP. “a” P. 5 of the Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation,” which approved the “National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030 “// SPS” Consultant Plus “; PP P.1 2 Art. 2 of the Federal Law “On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the constituent entity of the Russian Federation - the city of federal significance Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law “On Personal Data”” dated 24.04.2020 No. 123-FZ; Item 3.3 “GOST R. 70949-2023 National Standard of the Russian Federation. Artificial intelligence technologies in education. Application of Artificial Intelligence in Research Activities. Use cases” (approved by and enacted by Order of Rosstandart No. 1177-st dated 18.10.2023)//SPS “Consultant Plus”; Clause 1 of Art. 1 of the Draft Federal Law “On the Basics of State Regulation of the Areas of Application of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation “//SPS” Consultant Plus. “
- [15] See, for example: Item 3.3 “GOST R. 70949-2023 National Standard of the Russian Federation. Artificial intelligence technologies in education. Application of Artificial Intelligence in Research Activities. Use cases” (approved by and enacted by Order of Rosstandart No. 1177-st dated 18.10.2023)//SPS “Consultant Plus”; Clause 1 of Art. 1 of the Draft Federal Law “On the Basics of State Regulation of the Areas of Application of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation “//SPS” Consultant Plus. «

